

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

11

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

65

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

111

Благодарности

283

Всем моим сестрам

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Она в одиночестве выезжает из леса. Семнадцати лет, под ледяной мартовской моросью, Мари, родом из Франции. Год 1158-й, мир несет бремя усталости Великого Поста. Близится Пасха, в этом году она ранняя. На полях в черной холодной земле прорастают семена, готовые пробиться на вольный воздух. Мари впервые видит вдали аббатство, тускло и равнодушно высящееся на холме в этой сырой долине: облака, напивавшись водою из океана, затяжными дождями выжимают ее здесь до капли. Большую часть года эти края изумрудны, сапфирны, изнемогают от влаги, кишат овцами, зябликами, тритонами, сквозь плодородную почву проклевываются слабенькие грибы, теперь же, ранней весной, все сумеречно и серо.

Старая боевая лошадь плетется уныло, на сундуке за спиной Мари трепещет в ивовой клетке кречет.

Ветер стихает. Деревья не шелохнутся.

Кажется, будто природа следит за каждым ее движеньем.

Мари высокая, для девушки великанша, колени и локти нескладно торчат; изморось копится в складках ее плаща, струится по тюленьей коже, зеленый плат на ее голове почернел от сырости. Угловатое ан-

жуйское лицо лишено прелести: оно дышит пронизательностью и страстью, пока что не знающей меры. Лицо мокро от дождя, не от слез. Она еще успеет поплакать над тем, что ее прогнали прочь, как собаку.

Двумя днями ранее королева Алиенора появилась на пороге покоев Мари, пышногрудая, златовласая, в синем платье, отороченном соболями, запястья, мочки и блестящие четки в драгоценных камнях, запах духов валит с ног. Она всегда стремилась очаровать и тем самым обезоружить. За королевой, пряча улыбки, толпились придворные дамы. Среди этих предательниц затесалась и сводная сестра Мари, как она сама, незаконнорожденная сестра государыни, плод греховной отцовской страсти, но эта притворщица давно осознала выгоду от положения любимицы двора, и как Мари ни пыталась с ней подружиться, бледнела и убегала. В один прекрасный день она станет принцессой Уэльской.

Мари неуклюже сделала реверанс, Алиенора скользнула в комнату и наморщила нос.

У меня новости, сказала королева, и очень приятные новости, такая радость, только что нам прислали произволение Папы Римского, у коня сердце разорвалось от стремительного галопа: гонец так спешил доставить послание сегодня утром. Благодаря ее, королевы, длительным уговорам, эту бедную незаконнорожденную Мари из мэнской глуши все же назначили приорессой королевского монастыря. Это ли не чудо. Наконец-то они нашли, куда пристроить эту странную полусестру королевы. Наконец-то и для Мари отыскалось занятие.

Королева остановила на Мари взгляд густо подведенных глаз, перевела его на высокое окно, выхо-

дящее на сады, ставни были распахнуты, чтобы Мари, привстав на цыпочки, могла любоваться гуляющими внизу людьми.

Когда к Мари вернулся дар речи, она промямлила, что благодарна королеве за ее сиятельную заботу, но монахиней Мари быть никак не может, она недостойна и не чувствует в себе ни малейшего призвания служить Богу.

Так оно и было: религия, в которой ее воспитывали, всегда казалась ей глуповатой, пусть и богатой таинствами и ритуалами: к чему бы детям рождаться во грехе, к чему бы ей молиться незримым силам, к чему бы Господу быть триединым, к чему бы ей, в чьей крови кипит величие, считаться низшим существом потому лишь, что первая женщина, сотворенная из ребра, съела плод и лишилась праздного рая? Бессмыслица. С молодых ногтей Мари уклонялась в веру, та понемногу искажалась все сильнее и в конце концов обратилась в самостоятельную, нескладную, грандиозную конструкцию.

Но Мари было семнадцать, она обитала в гостевых покоях при дворе в Вестминстере и не могла сравниться с изящной, любящей истории королевой: та, хоть и невелика ростом, вобрала в себя весь свет, все мысли из головы Мари, все дыхание ее легких.

Под взглядом Алиеноры Мари почувствовала себя такой маленькой, какой не бывала с тех пор, как в последний раз видела Ле-Ман: шестеро ее теток-амазонок отправились или на тот свет, или замуж, или в монастырь, а мать ее взяла Мари за руку, прижала ее ладонь к яйцу, растущему меж своих грудей, широко улыбнулась, хоть в глазах и стояли слезы, и сказала: прости меня, доченька, я умираю; ее боль-

шое крепкое тело стремительно обращалось в скелет, дыхание сперва кислое, потом никакого, Мари прижималась к ее ребрам, пытаясь передать им всю свою жизненную силу, все свои молитвы, но сердце не билось. На продуваемом всеми ветрами погосте на взгорье Мари овладела горькая тоска, ее одиночество растянулось на два года: мать просила держать ее смерть в секрете, поскольку, едва прослышав об этом, родственники-волки отберут у Мари земли, она еще ребенок, бастардка, плод насилия, и ей не положено ничего; два одиноких года Мари выжимала из земли сколько могла. Потом на дальнем мосту застучали копыта, потом дорога в Руан и через Ла-Манш в Вестминстер, ко двору ее законно-рожденной полусестры-королевы, где все неприятно дивились отменному аппетиту Мари, ее неотесанности, нескладному костистому телу, где из-за изъянов своей натуры она лишилась всех привилегий, причитающихся ей по праву рождения.

Алиенора посмеялась отказу Мари от такой милости, принялась насмехаться над нею. Но-но-но. Уж не чает ли Мари выйти замуж? Это она-то, деревенщина, по которой виселица плачет? На три головы выше нормальной девушки, топает, басит, ручищи огромные, вечно всем перечит, вдобавок учится фехтовать. Какой супруг польстится на создание, лишенное не то что красоты, а и капли женской мудрости? Нет-нет, так лучше, да и давно было решено, еще осенью, и вся семья с этим согласна. Мари умеет управлять большим поместьем, пишет на четырех языках, ведет счета, после смерти матери она, хоть и нежное дитя, великолепно с этим справлялась, да так ловко, что два года водила всех за нос:

все принимали ее за мать. Все это к тому, что монастырь, приорессой которого станет Мари, отчаянно беден, и монахини, увы, умирают с голоду. Несколькими годами назад они впали в немилость у Алиеноры и с тех пор окончательно обнищали. Вдобавок там до сих пор бушует болезнь. Не может же Алиенора допустить, чтобы монахини королевского аббатства умирали и с голоду, и от ужасного кашля! Это бросит на нее тень.

Ее холодные, подведенные черным глаза впились в Мари, и той не хватило духа выдержать взгляд королевы. Не теряй веры, сказала Алиенора, со временем из тебя получится примерная монахиня. Всяк, кто не слеп, видит, что ты создана для благочестивого целомудрия.

Придворные дамы зашлись смехом. Мари так и подмывало зажать их щебечущие клювы. Алиенора протянула руку в кольца. Кротко проговорила, что Мари обязана научиться любить свою новую жизнь, должна научиться видеть в ней хорошее, ибо таково желание Бога и королевы. Мари отправится в путь завтра в сопровождении королевской свиты и с благословения Алиеноры.

Мари, не зная, что еще сделать, взяла белую ручку в свои шершавые лапищи и поцеловала. В душе ее кипели страсти. Ей хотелось впиться в мягкую плоть зубами, прокусить до крови, хотелось кинжалом перерезать эту кисть, спрятать в лиф платья и хранить как реликвию.

Королева ушла. Мари охватила дурнота, она прилегла на кровать, к своей служанке Цецилии, та целовала ее в лоб, в губы, в шею. Цецилия была туповата и преданна, как собака. Она клекотала гневом и шеп-

тала наветы: королева-де грязная южная развратница, она и королевой-то стала в первый раз из-за взбесившейся французской свиньи*, а во второй из-за блюда удушающих английских миног**, она с любимым ложится за песенку, пропой ей романс — она и задерет юбки, не зря же все ее дети не похожи друг на друга, не иначе сам дьявол вложил коварство в голову королевы, о ней рассказывают страшное, Цецилия сама слышала.

Мари опомнилась и велела служанке замолчать: в покоях бдительным призраком витал запах королевских духов.

Цецилия принялась вытирать сопли с мокрого, пошедшего красными пятнами лица Мари и нанесла госпоже второй удар. Сообщила, что она-то сама не поедет ни в какое аббатство. Как ни любит она госпожу, Цецилия еще слишком молода, у нее вся жизнь впереди, и она не собирается хоронить себя заживо в обществе монашек с пустыми глазами. Цецилия создана для брака, вон какие у нее бедра, она выносит и десяток крепких младенцев, да и в коленках она слабовата, где уж ей день-деньской преклонять их в молитве. Весь день сесть-встать, сесть-встать, как сурки. Да, завтра утром Цецилия и Мари расстанутся.

И Мари — едва ли не с рождения дружившая с Цецилией, дочкой кухарки, служившей в ее фа-

* Французский трон должен был наследовать не Людовик VII, первый муж Алиеноры, а его старший брат Филипп, но тот скоропостижно скончался: под копыта его коня неожиданно бросилась свинья, Филипп упал на землю, разбил голову о камень и вдобавок был придавлен рухнувшим на него конем.

** Король Англии Генрих I, предшественник второго мужа Алиеноры, нормандского герцога Генриха Плантагенета, умер, отравившись миногами.

милльном поместье в Мэне, с этой грубиянкой, которая до сих пор была для нее всем, любовницей, сестрой, служанкой, наслаждением, единственной любящей душой во всей Англетеере, — наконец осознала, что на муки ее сошлют в одиночестве.

Служанка плакала, снова и снова повторяла: милая Мари, меня ранили в самое сердце.

На что Мари, отстранившись, ответила: это, наверное, самая предательская рана.

А потом встала, подошла к окну, выглянула в сад, окутанный пеленою тумана; казалось, в душе ее закатилось солнце. Мари сунула в рот косточку из абрикоса, который летом сорвала украдкой с личного дерева королевы, потому что осенью и зимой любила высасывать горечь из абрикосовых косточек. В душе ее сквозил сумеречный холодок, и все, что скрывалось в тени, казалось чужим и нелепым.

Она чувствовала, как из нее утекает ослепительная любовь, что переполняла ее все годы при дворе Алиеноры в Англетеере и заливала ярким светом даже трудности и одиночество. Первый день при дворе в Вестминстере, ошеломленная Мари сидела за ужином, еще чувствуя на губах морскую соль, заиграли гобой и лютни, в дверях показалась Алиенора, опухшая, на сносях, с круглой грудью и животом, правую щеку разнесло, королеве в тот день вырвали зуб, она семеняла — плыла лебедем, — и лицо у нее было в точности такое, какое Мари видела в детстве и любила во снах. Свет в обеденной зале умалился до искры, освещавшей только Алиенору. Мари увидела ее и пропала. В тот вечер, когда она вернулась к себе, Цецилия уже храпела в постели, и Мари разбудила ее тем, как истово терлась

о ее руку. Мари отправилась бы на поиски Святого Грааля, утаила свой пол и ушла на войну, убивала без трепета, с преклоненной главою сносила жестокость, смиренно делила кров с прокаженными, она сделала бы что угодно по велению Алиеноры. Все добро исходило от Алиеноры: музыка, смех, куртуазная любовь, из ее красоты рождалась красота, ведь всем известно, что красота — внешний признак милости Божьей.

И даже теперь, когда ее выбросили, как ветошь, Мари, к стыду своему, понимает, направляя коня к мрачному сырому аббатству, что по-прежнему готова для Алиеноры на все.

Ее ошеломляет бедность этого места под холодным морозящим дождем, бедность этих блеклых строений, лепящихся на вершине холма. Правда, Англия беднее Франции, города здесь меньше, темнее, грязнее, народец ледащий, в цыпках, но даже для Англии монастырь выглядит жалко: заброшенные службы, покосившиеся заборы, в саду дымят сожженные кучи прошлогоднего бурьяна. Ее лошадь плетется вперед. Кречет заунывно пищит, вырывает перья из-под крыльев. Мари медленно въезжает на церковный двор. О монастыре ей известно лишь, что его основала некая сестра короля, много веков назад причисленная к лику святых, и теперь фаланга ее пальца исцеляет нарывы; во времена вторжений викинги грабили аббатство, насильовали монахинь, на болотистых пустошах в округе по сей день находят скелеты, на которых так глубоко были выбиты руны, что следы их заметны на черепе. А когда на постоялом дворе, где Мари остановилась на ночлег, она робко сказала название аббатства служанке, принес-

шей ужин, та побледнела и произнесла что-то по-английски, стремительно и неразборчиво, однако, судя по интонации, здешние сельские жители считают монастырь местом мрачным, странным и убогим, вдобавок оно внушает им страх. Вот Мари и оставила спутников в городке, чтобы в одиночестве ехать туда, где ее погребут заживо.

Мари насчитала под тисом четырнадцать свежих могил, блестящих от влаги. Позже она узнает, что там погребены двенадцать монахинь и две девочки-облатки: всего неделю назад их унесла диковинная болезнь, от которой тела несчастных посинели, точно те утонули в собственных легких; Мари узнает, что кое-кто из монахинь не оправился до сих пор и по ночам заходится оглушительным хриплым кашлем.

Свежие могилы укрыты срезанным остролистом, его ягоды краснеют сквозь пелену дождя — единственное цветное пятно в мире, лишенном красок.

Отныне все будет серым, думает она, серым до конца моих дней. Серая душа, серое небо, серая мартовская земля, серовато-белое аббатство. Бедная серая Мари. В высоких дверях аббатства появляются две маленькие серые монахини в шерстяных хабитах.

Приблизившись, Мари видит, что у одной из монахинь — непонятно, сколько ей лет — большое доброе лицо, а глаза затянула белесая дымка. Об аббатстве Мари рассказывали немного, но и этого достаточно, чтобы догадаться: перед нею слепая аббатиса Эмма, в утешение ей дарована внутренняя музыка. Мари говорили, что аббатиса абсолютно помешанная, но добрая.

Вторая монахиня, с лицом желтоватым и кислым, как мушмула (в здешних диких и влажных краях этот плод называют “гузнодыркой”, то есть дырой в гузне, потому что Господь соделал его похожим на афедрон) — субприоресса Года. Ее выбрали наспех, когда прежняя аббатиса и субприоресса скончались от удушья: кроме нее, не осталось монахинь, которые умели бы разборчиво писать по-латыни. Предложенного королевой приданого хватит, чтобы монахини какое-то время не умерли с голоду, с досадой писала Года Алиеноре, поэтому они примут бастардку Мари. Письмо изобиловало грубыми ошибками.

Мари останавливается у порога и с трудом сползает с коня. Пытается шагнуть, но они ехали тридцать часов без остановки, и теперь от усталости и испуга Мари словно лишилась костей. Она плюхается в грязь, смешанную с навозом, падает ниц перед аббатисой. Эмма смотрит на нее белесыми глазами, смутно видит очертания новой приорессы, распростертой на земле.

Эмма говорит — скорее выпевает, — что смирение новой приорессы красноречивее слов. Слава Пресвятой Деве, Звезде морской, пославшей столь скромную и кроткую особу королевских кровей, чтобы возглавить аббатство и избавить его от скорбей, голода и болезней. Аббатиса беспечно улыбается в пустоту.

Года поднимает Мари на ноги, бормочет себе под нос: вот же дылда неуклюжая, и выглядит-то не по-людски, хотя одежда красивая — была, пока эта неряха не замарала, — ну ничего, глядишь, Эльфхильда отчистит, разумеется, это нужно продать, за одни рукава дадут столько, что можно купить

муки на целую неделю. Так говоря, она заводит девицу в дом, аббатиса идет следом. У Годы обиженное лицо, точно в ее обычае прятаться в углу, подслушивать гадости о себе, а потом долго смаковать обиду.

Стекол в окнах нет, сквозь деревянные ставни, затянутые вошеной тканью, сочится слабый свет, в просторной и длинной зале холоднее, чем на дворе, огонь в очаге еле теплится. Холодный пол не устлан аиром, голые каменные плиты блестят. Из всех дверей выглядывают монахини и тут же прячутся.

Мотыльки, думает Мари. Наверное, она бредит.

Года ногтями соскребает грязь прямо на пол, снимает с Мари испачканный платок, нарочно уколлов ее булавками. Входит служанка с лоханью горячей воды. Аббатиса становится на колени, снимает с заледеневших ног Мари бесполезные чулки и туфли, омывает ее ступни.

Мари оживает, ноги колет и жжет. Лишь теперь, от нежных прикосновений аббатисы, потрясение утихает. Быть может, это блеклое место и есть тот свет, но под руками аббатисы Мари снова чувствует себя человеком.

Она тихонько благодарит аббатису за омовение ног, Мари не заслужила такой доброты.

Мы всем путникам омываем ноги, шипит Года, неужели тебе это неизвестно, таков наш устав.

Аббатиса велит Года передать кухаркам, чтобы ужин подали к ней в келью. Года уходит, ворча себе под нос.

Не сердись на нее, говорит Мари аббатиса, Года питала кое-какие надежды, но с твоим появлением они пошли прахом. Разумеется, предки Годы принадлежали к самым знатым английским фамилиям —